

Глава 23

Кризис

Еще один развод. Смерть матери.
Блокада. Параллельный мир.
История Аниты Бришке-Белоцерковской.
Женя и сэр Бернар

Годы 1977—1978 были для меня временем тяжелого кризиса. В эмиграции обильно рвались не только дружеские, но и семейные связи. Развалилась, как я уже говорил, и моя семья. Выявилось, что моя жена принадлежала к числу женщин, сильно подверженных влиянию окружающих людей. В России меня, а следовательно окружали друзья и атмосфера уважения. В эмиграции же все переменялось: вокруг сгустился смог враждебности. А в Мюнхене жена со временем тоже стала работать на «Свободе» — переводчиком с английского в отделе новостей, где сидело много энтэссовцев, и где враждебные настроения по отношению ко мне обступили ее особенно плотно. И она начала постепенно поддаваться им. На этот грунт стали накладываться и другие моменты. В эмиграции недостатки людей часто начинают словно вспучиваться, вылезать на поверхность, закипать. Я долго терпел ради детей, но в конце концов пришлось разводиться.

И в то же самое время, 7 февраля 1978 года, я получил из Москвы сообщение о смерти матери.

Я почувствовал ее смерть. Вечером того дня мне вдруг стало беспокойно, захотелось позвонить матери, но ее телефон не отвечал. Она умерла в тот вечер в больнице во время операции. У нее не выдержал ее искусственный желудок, произошло прободение — и операция не помогла. Потом я узнал от ее подруги, что умерла она именно в тот час, когда я ей звонил. Мать тоже похоронили на Немецком кладбище, рядом с отцом. Родители остались в России на Немецком кладбище, а я — в Германии, в эмиграции!

И опять передо мной встал неразрешимый вопрос, должен ли был я оставлять мать одну? Вновь вспомнил я формулу Иосифа Юзовского: «Что для человека возможно, рано или поздно может представиться необходимым». Конечно, где и кем бы я смог в Советском Союзе работать, и в лагерь рано или поздно попал бы — матери легче бы не стало. Давила меня и необходимость то и дело брать у матери деньги на жизнь, подтачивая небольшие ее сбережения. И все же, все же...

Дачу в Кратово я хотел через Инюрколлегию передать старшему сыну Сергею, но он по-прежнему боялся связи со мной, не пришел даже на похороны бабушки. Дача попала в чужие руки.

Смерть матери и развод совпали с началом тотальной блокады моих работ в русской эмиграции. После выхода «Демократических альтернатив» в 76-м году во всех русских эмигрантских изданиях установился бойкот любых моих работ и даже не допускалось упоминать мое имя. Исключение некоторое время составлял выходивший в Америке журнал «Новый американец», который редактировал Сергей Довлатов, но после того как его вытеснили из этого журнала, он также закрылся для меня.

В том же 77-м году я попытался издать сборник рассказов, который в 68-м году был отвергнут в «Советском писателе» как идейно порочный. Оптовый торговец русской книгой Орест Нейманис посоветовал мне обратиться в находящееся в Канаде издательство «Заря», которое он охарактеризовал как политически весьма нейтральное, коммерческое, т. е. для меня более всего подходящее. Я написал в это издательство письмо, объяснил происхождение рассказов, их судьбу в СССР и попросил сообщить, интересуется ли издательство в принципе такой сборник? В ответ я получил следующее письмо:

«В. Белоцерковскому
Мюнхен, Германия
22 сентября 1977

Подтверждаем получение Вашего запроса о возможности выпуска сборника Ваших произведений издательством ЗАРЯ. Издательство ЗАРЯ не коммерческое предприятие, оно создано, главным образом, для опубликования работ, разоблачающих сущность коммунизма. В Ваших статьях мы видим прене-

брежительное отношение к нашему народу, к истории России, к истории борьбы русского народа за освобождение от коммунизма. Мы также видим Ваши попытки подлечить некоторые недуги коммунизма и не замечаем стремления вести с этим международным злом повсеместную и последовательную борьбу, вплоть до его уничтожения. Поэтому нас не интересует издание Вашего сборника.

Председатель
издательства «Заря»
Сергей Зауер».

Заметьте — нет даже общепринятых форм вежливости в начале и в конце письма. С подобным я не сталкивался и в СССР!

И самое поразительное здесь, как и в других подобных отзывах, — это утверждение: «В Ваших статьях мы видим пренебрежительное отношение к нашему народу». Это при том, что я единственный — подчеркиваю, единственный — среди всех эмигрантов выступал печатно против уничижительного отношения к российскому народу как со стороны новых «демократических» политэмигрантов, так и национал-патриотов, презиравших реально существующий в советской России народ. В эми-грации господствовала самая настоящая народофобия. И война с народофобией была второй главной темой моей публицистики на Западе.

Эмигрантские объединения не распространяли моих книг среди людей, приехавших из Советского Союза, — моряков, туристов. Если бы я знал тогда то, что знаю сейчас (что блокада эта была скреплена КГБ), мне было бы много легче. Легче терпеть преследования врагов, чем людей, находящихся, казалось бы, по одну с тобой сторону баррикад. Но впервые ясно я понял причину монолитности блокады по отношению ко мне лишь в 1981 году в связи с деятельностью польской «Солидарности». Об этом я расскажу позже.

После того как провалилась попытка создания журнала, я застревал навечно на «Свободе» и лишился возможности писать прозу. Что называется, куда ни кинь! Впервые появилась мысль, что, может быть, надо уходить из жизни.

Но сил было еще много, и я смог мало-помалу преодолеть кризис. Помогли мне опять же и мои чехи — дружбой, вниманием, уважением. Я подружился тогда со знаменитым чешским бардом Карелом Крилом, работавшим на РСЕ. В 68-м году он в Чехословакии был как Высоцкий, Окуджава и Галич в одном лице. Очень характерно, что вернувшись на родину через 20 лет изгнания, когда в Чехословакии рухнул просоветский режим, Карел стал популярен еще больше, чем в 68-м, сделался кумиром молодежи. У нас такое, увы, невозможно.

С Карелом мы гуляли по окрестностям Мюнхена, пили пиво в «биргартенах», на чешских вечеринках я наслаждался его песнями.

Один попутный эпизод. На Запад, во Францию эмигрировала Наталия Горбаневская. Приехала и в Мюнхен, на «Свободу». Я спросил Крила, не хочет ли он познакомиться с Горбаневской? Он изъявил желание, и я пригласил Горбаневскую домой, и Крил пришел. И вот встретились: участница героической демонстрации 68-го года на Красной площади в знак протеста против оккупации Чехословакии и один из героев Пражской весны. И никакой встречи не получилось. Горбаневская смотрела на Крила без интереса, была суха и высокомерна. И всю дорогу повторяла, что она — православная, и что это такое — православие — для спасения души, России и мира. А Крил был задиристым петухом, и он вдруг сказал: «Значит ты — православная?». Чехи быстро переходили на «ты». «Да!» — отозвалась Горбаневская. «А я — левославный!» — бросил он ей. Горбаневская растерялась. Это было для нее как двойная пощечина: над ее православием насмешка, да еще с нестерпимой для нее приставкой «лево». Поджала губы, сделалась совсем злой монашкой и вскоре — ушла. Крил был очень доволен. И никаким левым он, между прочим, не был, как и правым. Идеологическими категориями он мало интересовался, был талантливым артистом, органическим демократом и патриотом своей маленькой многострадальной родины.

Сблизился я в то время и с Карелом Ездинским, также работавшим на РСЕ (чехом, который вел последний репортаж из Праги 22 августа 68-го года и у которого день рождения приходился на 7 ноября), и с Радославом Селуцким, одним из «отцов» проекта экономических реформ Пражской весны, жившим тогда в Мюнхене. Всех троих, увы, уже нет в живых.

Встречались мы время от времени и с Пеликаном, когда он приезжал в Мюнхен или я в Рим. Приезжал в Мюнхен и останавливался у меня Антонин Лим, перебравшийся к тому времени из Нью-Йорка в Париж, где он профессорствовал в Сорбонне.

Ну и конечно, помогли мне держаться ежегодные конгрессы «Третьего пути», где я окунался в человеческую атмосферу и знакомился с новыми «людьми будущего».

И самое главное — я начал работать над книгой, в которой решил представить весь комплекс моих идей о синтезном социализме и его шансах в России, с включением западного опыта, ставшего мне тогда известным.

В отличие от большинства российских эмигрантов у меня был спасительный «параллельный мир» моих идей. И всякий раз, когда эмигрантская жизнь загоняла меня, казалось бы, в угол и вот-вот должна была раздавить, я открывал потайную дверь и исчезал в моем параллельном мире. Потом возвращался из него ожившим, самим собой.

Мне порой становилось очень жалко эмигрантов, в большинстве своем вынужденных постоянно жить в душных гетто, будь то «Свобода», «Континент» или НТС.

Новую книгу я написал весьма быстро и издал за свой счет в 1977 году в маленькой украинской «друкарне» в Мюнхене. «Шапку» (издательское имя) мне вновь предоставило изда-

тельство «Ахберг» движения «Третий путь». Книге я дал название «Свобода, власть и собственность». Это то, что нужно, по моему разумению, каждому развитому современному человеку и что может дать ему синтезная модель социализма.

И это же — сжатая формула общества самоуправления. «Свобода (регулируемая правом), власть (над ходом жизни) и собственность (на средства производства) — и все это за каждым членом общества. Только на этом «базисе», на этих трех китах возможно, видимо, создать структуру, которая позволит всем людям начать движение к своим идеалам, к нравственному совершенствованию и гармоническому развитию — к Свободе, Равенству и Братству», — писал я в той книге.

Продавать книгу на Западе взялся магазин оптовой торговли русской книгой Нейманиса. Хозяин магазина, Орест Нейманис, латыш, не был тесно связан с русской эмиграцией. Немного этот магазин занимался и собственной издательской деятельностью, и я нашел в нем хорошего редактора и корректора для своей новой книги, недавно выехавшую из Советского Союза украинскую немку Аниту Бришке, филолога по образованию. Впоследствии она стала редактором и корректором и всех других моих книг и... моей женой! И это событие тоже помогло мне преодолеть кризис.

Один мой остроумный друг и товарищ по московской борьбе сказал про нас с Анитой: «Вам легко понимать друг друга: ты — жертва антисемитизма, а Анита — антифашизма!». И я хочу хотя бы вкратце рассказать, как складывалась весьма неординарная жизнь Аниты. Ее жизнь — фрагмент мозаики прошедшей эпохи.

Уникальность биографии Аниты определялась тем, что ей довелось дважды оказаться в Германии. И в первый раз — в гитлеровской Германии! Дело в том, что родилась она «под немцами» — в июле 1942 года, на оккупированной Украине, в немецкой деревне Карловка Житомирской области, где родились и жили ее родители и прочие предки начиная с екатерининских времен.

Осенью 1943 года отступавшие немецкие войска забрали с собой всех живших на оккупированных территориях выходцев из Германии, в том числе и семью Аниты. Каждой семье была предоставлена подвода с лошастью, чтобы люди могли взять с собой в дорогу самое необходимое. По пути были организованы пункты отдыха, где эвакуируемых кормили горячей пищей, раздавали сухие пайки, оказывали минимально необходимую медицинскую помощь, а матери с грудными детьми могли перепеленать своих младенцев, получить детское питание в дорогу. Такое внимание и такой «немецкий порядок» были предметом восхищения этих несчастных людей. Аните было тогда 14 месяцев, а ее старшей сестре Валентине 5 лет.

По дороге не раз пролетали над ними «свои» самолеты с красными звездами. Сопровождавшие колонну немецкие солдаты приказывали людям разбегаться и прятаться где можно. (Поколение родителей знало еще немецкий язык.) Несколько раз «свои» самолеты стреляли по колонне, кого-то убили и ранили.

Отец во время этого «исхода» был какое-то время с семьей, так как в советскую армию его ввиду беспартийности не призвали. (Двум братьям матери, один был коммунистом, другой — комсомольцем, оказали такое доверие — и они погибли в первые же месяцы войны.)

До конца 44-го года украинские немцы жили в Польше, где родился братишка Аниты — Рудольф и где отца мобилизовали в немецкую армию. Советские войска тем временем продолжали наступать, и эвакуированных немцев отправили из Польши уже в Германию. При-

везли их в Пруссию, под Бранденбург, определили в крестьянский дом, где мать Аниты помогала владельцам дома по хозяйству, благо и сама была крестьянкой. Весной 45-го они услышали канонаду, приближались «свои». Все, кто мог, кто не был обременен малыми детьми, подались на Запад, навстречу американцам. Все понимали, что с приходом «своих» их не ждет ничего хорошего. Об Освенциме и Майданеке советские немцы тогда ничего не знали, а о сталинских лагерях для раскулаченных и врагов народа были хорошо осведомлены. Дядя и тетя Аниты, не имея детей на руках, смогли унести ноги от «освободителей», и уносили их аж до западного побережья Канады! Мы с Анитой ездили к ним туда в гости, в Ванкувер. У обоих хорошие дома, машины, дети в порядке, приличные пенсии.

А матери Аниты в августе 45-го советские представители велели с детьми прибыть на вокзал для возвращения на родину. Для порядка сразу же солгали: сказали, что всех вернут в родные места и дома, и даже пообещали, что те, чьи дома окажутся разрушенными, получают субсидии для постройки новых домов. Но когда уже на вокзале собравшихся советских немцев — женщин, детей, стариков — окружили солдаты с собаками и подали вагоны для скота (не чищенные!), стало ясно, что путь им предстоит в другом от родных мест направлении. Везли их с долгими остановками несколько месяцев, погибло в пути много людей, заболела желтухой и едва не умерла и Анита. В начале декабря их привезли на север Коми АССР, выгрузили в заснеженном поле, где кончалась железнодорожная ветка узкоколейки, и показали на черневшие вдаль лес и бараки: идите туда и располагайтесь! Стоял 30-градусный мороз, и идти приходилось по грудь в снегу; братишку Аниты мать занесла в барак побелевшим — думала, замерз, но отогрели, оттерли. Бараки, брошенный лагерь для заключенных, оказались разрушенными, без стекол в окнах, с развалившимися печками. Спасли немецкие руки стариков и женщин. Как-то чем-то затянули окна, отремонтировали печи. Через несколько дней всех погнали работать на лесоповал. Мать Аниты рассказывала, что по 10 километров шагали они в любую погоду до места работы и 10 километров обратно, не имея нормальной еды и одежды, оставляя дома малых детей под присмотром немощных стариков и старух. Люди стали потихоньку доходить, умирать. С приходом весны ссыльные кинулись заводить огородики, сеять зелень, овощи, сажать картошку. Потом осенний лес подарил ягоды, грибы. И те, кто к тому времени остались в живых, смогли жить дальше.

Отец Аниты зимой 44-го с группой русских немцев перебежал к «своим», которые тут же отправили их в лагерь для военнопленных, на Урал, назначив работать в соляных копях. Потом отца перевели Свердловск, на кирпичный завод, где он едва не умер от дистрофии. Сталинский парадокс состоял в том, что настоящих немецких пленников содержали в очень приличных условиях, а своих, будь то советские солдаты из немецкого плена или вот русские немцы, обрекали на голод. Немного помогало им местное население, перекидывая время от времени через лагерный забор какие-нибудь продукты.

Но года через два еле живого отца вдруг переселили в Сыктывкар (Коми АССР) на положение ссыльного. Там он устроился слесарем-механиком в педагогический институт и занялся вызволением своей семьи из леса. Как родители смогли найти координаты друг друга — тоже чудесная история. Еще из лагерей отец послал письмо в родную Карловку соседке-украинке, Ульяне, которая там оставалась всю войну, не знает ли она, где его жена и дети? И мать Аниты из своего лесного заточения тоже написала ей письмо с тем же вопросом про отца. И соседка Ульяна переслала им адреса друг друга!

Анита помнит поднявшийся вдруг у них в комнате шум и крик мамы: «Папа! Папа приехал!» — и мужчину в грубой солдатской шинели, схватившего ее на руки. На другой день отец посадил семью на подводу и повез в город, но не тут-то было: начальство леспромхоза снарядило погоню, отца с семьей догнали и вернули в бараки, предложили отцу оставаться с семьей, работать в леспромхозе. Не дураки: мужские немецкие руки им были бы очень кстати!

Отец для виду согласился, но через пару дней за ящик водки нанял новую подводу и, на этот раз ночью, увез семью в Сыктывкар. Мать там устроилась работать истопником. На заброшенном дворе дома отец развернул «базу выживания»: соорудил хлев-сарай и теплицу. В теплице мать сажала зелень, огурцы, помидоры, которые созревали в валенках за печкой. С осени закладывали в бочки засоленную капусту, грибы. В сарае под крышей отец устроил сеновал, а внизу поместили козу, кур и свинью. Зимой свинья согревала козу и кур, а когда морозы крепчали, родители раскаляли на печке кирпичи и клали их в сарай, меняя каждые два-три часа, днем и ночью. Остывшие кирпичи снова клали на печь. При этом еще оба днем работали! Каторжная жизнь, но коза и куры выживали и — дети тоже. У соседей ничего такого не было!

В 1956 году Хрущев помиловал русских немцев, отменил им режим ссылки, но возвращаться прямо в родные места не разрешил — чтобы не требовали обратно своих домов. Семья Бришке переехала

в соседнюю с Украиной Молдавию, куда уже чуть ранее переселилось несколько родственных семей. Хотелось обязательно на юг: отогреться и фруктов поесть. В Молдавии дом построили себе сами, благо отец был мастером на все руки и родственники помогали. Кирпичи лепили из смеси соломы и глины — «лампаками» называли их в Молдавии. Вскоре отец сделал водяное центральное отопление, завели огород, мелкий скот, птицу. Вдоль дорожки, ведущей к дому, и крытой террасы посадил виноград и осенью давил собственное вино.

Но Аниту угораздило еще раз померзнуть. После окончания университета вышла неудачно замуж — сначала фиктивно, чтобы получить прописку в Кишиневе и не ехать работать в молдавскую деревню, а потом так и осталась жить с фиктивным мужем. Но жизнь у них не сложилась. Через четыре года Анита разошлась с мужем и уехала за «длинным рублем» в Якутию, попала в эпицентр полярного холода — Оймяконский район, поселок Усть-Нера, где морозы на протяжении трех-четырех зимних месяцев держались от 50 до 60 градусов. Здесь она надеялась заработать некую ощутимую сумму денег, чтобы встать на ноги. В Молдавии после окончания филологического факультета, работая в библиотеке, зарабатывала гроши — около 80 рублей в месяц. На более доходные работы не брали ввиду грязного «пятого пункта». В детстве и юности «советские арийцы», узнавая о ее национальности, нередко кидали ей: «фашистка»! Однажды у 17-летней Аниты после очередного такого оскорбления помутилось в голове, и она, не помня себя, кинулась на оскорбительницу. Их с трудом разняли.

Познакомившись вплотную с судьбой русских немцев, я понял, что им жилось еще хуже, чем евреям. Хуже всего в этом плане приходилось немецким евреям. Мою знакомую немецкую еврейку во время войны сослали как немку, а после войны — в годы сталинского антисемитизма — выгнали с работы уже как еврейку!

Для сравнения. В США после начала войны с Японией из Калифорнии, с берегов океана вглубь Америки переселили всех американцев японского происхождения, среди которых были и люди, завербованные японской разведкой. Но переселяли их цивилизованно, без погром-

ного нахрапа, как проводились депортации в СССР, а после окончания войны всем японцам дали возможность вернуться в родные места, официально извинились, выплатили крупное единовременное пособие и долго выплачивали серьезную компенсацию за понесенные потери и тяготы. Теперь они нормально живут, не испытывают никакой дискриминации и — никуда из США не уезжают.

В Якутии, в Усть-Нере, Анита — для начала едва не погибнув: у нее в дороге украли все деньги! — устроилась работать учительницей, потом даже корреспондентом местной газетенки. Промучилась там три года, больше потеряв здоровья, чем денег заработав, но в конце этого добровольного «срока» получила письмо от матери из Молдавии, что можно попробовать подать заявление на выезд в ФРГ. И приняла решение присоединиться к матери, вернулась в Молдавию. (Отец умер еще до отъезда Аниты в Якутию).

И в 75-м году Анита с семьей второй раз оказалась на своей исторической родине. Немецкие власти учли их пребывание в Германии во время войны: сразу же дали немецкое гражданство и выплатили солидную денежную компенсацию как пострадавшим от гитлеровского режима. Даже что-то заплатили за потерянный дом в Карловке.

В Мюнхене Анита устроилась работать в русский книжный магазин Нейманиса, где мы с нею и познакомились, и вот уже более четверти века вместе, хотя из-за меня ей приходится подолгу жить в России, о чем она уж никак не мечтала: для нее Россия была такой злой мачехой, что дальше некуда.

Моим свидетелем при регистрации брака был Карел Крил, тот самый знаменитый чешский бард, с которым я подружился в кризисное для меня время. У Аниты свидетельницей была молодая немка, но и она «досталась» нам от другого моего чешского друга, была его девушкой. Настолько я был встроен в чехословацкую эмиграцию.

В шутку я предлагал Аните взять двойную фамилию: Бришке-Белоцерковская. Будет, мол, звучать почти как Брешко-Брешковская — знаменитая эсерка, «бабушка русской революции».

Через Аниту я вошел в среду немецких эмигрантов из России и был потрясен их родственной солидарностью. Родственники знали друг друга, что называется, до седьмого колена, поддерживали между собой связь и в случае необходимости помогали друг другу. Когда умерла мать Аниты, на похороны со всей Германии съехалось около 70 человек! Когда мы переезжали с квартиры на квартиру, родственники приезжали нам помогать, и мы тоже ездили им помогать. Интересно, что немцы из Польши и других стран бывшего соцлагеря не поддерживают широких родственных связей, меньше помогают друг другу и потому тяжелее адаптируются в Германии. Чем это объяснить, не знаю. И почти все русские немцы отличаются трезвостью, честностью, спокойным характером, ну и конечно, трудолюбием. Исход немцев из России, как и евреев, большая беда для России и нехороший знак. Между прочим, еще в СССР от немецких правозащитников (были такие) я узнал поразительную вещь, что в первую мировую войну, в 1916 году, царь Николай, сам наполовину немец, а жена его была полной немкой, подписал указ о выселении русских немцев из европейской России в Сибирь и Среднюю Азию, которое должно было состояться в апреле 1917 года. Февральская революция помешала осуществлению этого чудовищного плана. Так что не Сталин был изобретателем депортации народов!

У нас с Анитой детей уже не появилось. Я был очень уставшим тогда для хлопот воспитания, да и очень тянулась ко мне и к Аните моя родившаяся в Риме дочь Женя. С матерью у нее складывались плохие отношения, поэтому мне хотелось уделять ей как можно больше заботы и любви. Анита ее тоже очень полюбила. Мы брали Женю с собой в отпуск, она болела у нас, большинство уикендов проводила с нами, и однажды, в возрасте уже 12 лет, перешла к нам насовсем.

Мой младший сын, Вадик, брат Жени, окончив американскую школу (для детей американских военных, размещавшихся в Мюнхене, куда принимали и детей работников «Свободы»), уехал вместе со своей школьной подругой учиться в университет в Монреале и остался жить в Канаде. Несколько лет жил и работал в Штатах, но потом вернулся в Канаду, которая ему больше нравится. Он приобрел романтическую специальность конструктора альтернативных источников энергии для стран третьего мира, несколько раз подолгу работал в Африке. С Женей у него сложились замечательные отношения: они трогательно любят друга, и когда Вадик приезжает в Мюнхен, он ухаживает за Женей как отец и мать в одном лице и строго следит за тем, как мы с Анитой относимся к Жене.

Вадик вырос очень интересным человеком и типичным современным американским интеллигентом — толерантным, критичным, мудрым. К деньгам, например, к их накопительству у него нет никакого почтения. Он имеет приемлемый для него уровень обеспеченности, очень ценит свою свободу и старается жить так, как это ему интересно. В Африке он тесно сдружился с негритянскими интеллигентами и отзывается о них с большим уважением. По его совету и протекции и Женя несколько месяцев работала в Африке.

Женя и сэр Бернар

Здесь я хочу рассказать небольшую историю, которая не имеет прямого отношения ни к эмиграции, ни к другим социально-политическим материям, не имеет прямого отношения вообще к людям, ибо героем ее является собака породы сенбернар.

Когда Жене было 8 лет, мать отдала ее в школу-интернат. Женя все сильнее тянулась к нам и в то же время мешала, видимо, матери жить свободно, и она нашла выход — отправить дочь в интернат. И чтобы мы часто не шастали туда к Жене, интернат она нашла за 500 километров от Мюнхена, в Швейцарии, недалеко уже от французской границы в маленьком городке Инс, расположенном около озер Нейшатель и Билер. И интернат этот был не простой, а тот самый антропософский, принадлежавший коллективу воспитателей-преподавателей. Вышла на него мать Жени через моих друзей-единомышленников по движению «Третий путь», с которыми она успела познакомиться, когда мы еще жили вместе.

Узнав об этой «афере» с интернатом, я потребовал от матери Жени разрешить нам с Анитой два раза в месяц по уикендам навещать Женю в интернате, а потом пошел и в суд с требованием передать мне воспитание дочери. На каком основании, поставил я вопрос перед судом, моя бывшая жена отдает дочь в интернат, в то время как она могла бы жить со мной? Все дети в том интернате были от матерей-одиночек, и лишь к Жене на свидания приезжал отец.

Каждый второй уикенд мы с Анитой проделывали на машине тысячу километров: 500 туда и обратно! Причем две трети из них по простым дорогам, не по автобанам. Выезжали в пят-

ницу вечером после работы, в пути ночевали в каком-нибудь придорожном отеле и рано утром снова трогались в путь, чтобы пораньше прибыть в Инс, к Жене. И так весь год, пока Женя жила в интернате. Не пропустили ни одного положенного нам уикенда! И за рулем сидела только Анита: я ведь так и не приобрел водительских прав — нема было часу! Работа на «Свободе», работа в свободное время над статьями и книгами и спорт — все!

И вот в интернате том жил огромный швейцарский сенбернар, и он очень подружился с Женей. В один из уикендов мы два дня гуляли вместе с ним, вчетвером. Было это где-то в конце зимы. Та поездка к Жене вообще была особенная. В Швейцарии лежал густой туман, видимость была не больше 10–15 метров, и невдалеке от шоссе в поле сидели орлы. Туман, видимо, придавил их к земле. И в тумане они казались огромными, какими-то доисторическими птицами! От тумана же на ветвях деревьев за ночь образовалась толстая наледь, и когда начало пробиваться сквозь туман солнце, уже по-весеннему сильное, в лесу зазвучала удивительная, хрустальная музыка: отрывались и падали с веток льдинки. Никогда мы такой музыки не слышали и, наверное, больше не услышим. Под такую музыку мы и гуляли вчетвером по лесу.

В понедельник в Германии был какой-то праздник, и мы с воскресенья на понедельник заночевали еще раз в Инсе, чтобы уже утром ехать в Мюнхен. Простились с Женей вечером в воскресенье. Прощаться всегда было тяжело, частенько прощались со слезами — у Жени и Аниты. И пес присутствовал при прощании, потом пошел нас провожать до отеля, в котором мы останавливались. Мы удивились, но не придали этому значения. Утром же, когда мы завтракали, служащая отеля, подававшая нам завтрак, спрашивает: «Это ваша собака всю ночь спала на крыльце?». (С собаками в тот отель не пускали.) Мы сказали, что не наша, что мы приехали без собаки. Собрали вещи, вышли из отеля и увидели на крыльце женькиного сенбернара! Стали его расспрашивать, почему он остался спать на улице, на морозе, но он только помахивал своим пушистым, тяжелым хвостом и смотрел на нас грустными умнейшими глазами. Потом пошел за нами во двор, где стояла наша машина. Мы начали загружать сумки в багажник и вдруг увидели, что сенбернар схватил в зубы одну из сумок, отнес ее на середину двора и лег рядом с нею. Я, ничего не понимая, пошел за сумкой, решил, что пес захотел поиграть с нами. Но он грозно зарычал на меня, когда я протянул руку к сумке, и оттащил ее подальше. Мы растерялись. Я еще раз попытался отнять у него сумку, но он снова зарычал. Я понял, что это не игра! Создалась нелепая ситуация: мы не могли ехать! Памятуя, что сенбернары очень мирные собаки, я решил рискнуть и потянул к себе сумку, ухватив ее за угол. И пес отдал сумку. Мы уехали от него в полном недоумении, чем объяснить такое поведение собаки? И очень долго не могли найти ответ. Но постепенно пришли к выводу, что единственное объяснение заключается в том, что пес, гуляя с нами, понял, что мы близкие люди для Жени, которую он горячо любил, и увидев ее слезы при прощании, подумал, что мы хотим навсегда ее оставить и решил нас задержать. Другого объяснения мы не находили.

В следующий раз перед отъездом мы долго объясняли «сэру Бернару», как мы стали звать его за его благородство, что мы никогда не бросим Женю и вернемся снова, и он поверил нам и не удерживал.

Когда летом мы забирали Женю насовсем, очень грустно было расставаться с Бернаром. Женю мы смогли забрать потому, что суд стал складываться в нашу пользу, и, чтобы избежать проигрыша, мать Жени разрешила нам ее забрать из интерната. После этого мы, естественно, ушли из суда. А через три года Женя добилась согласия матери на полный переход к нам.

Должен еще отметить, что когда из суда запросили мнение воспитателей интерната по поводу моего иска, то они высказались за то, чтобы Женю оставили матери. Они прекрасно понимали обоснованность моего иска, видели, что Женя была в тягость для матери, но хотели сохранить ее в интернате и немалую плату за нее, сознавая, что если Женя перейдет на мое воспитание, то я ее немедленно заберу. Воспитатели были очень милые люди, однако дали такой вот жестокий ответ. Это аргумент против коммерческих учебных заведений, даже и кооперативных, о чем я уже говорил раньше. Такие заведения должны финансироваться государством.

Но вернусь к герою этого повествования. Да, Бернар был фантастически умной собакой, и это еще как-то можно понять, но сердце-то какое было у него, исполненное доброты и сострадания, с какой способностью к бескорыстной любви! Ведь Женя не воспитывала и не кормила его. Много ли есть людей с таким сердцем? Да и способны ли мы, люди, вообще на такую любовь и сострадание? Ведь вот Бернар, к примеру, никогда бы не выдал такого своекорыстного отзыва в суд по поводу судьбы Жени, какое выдали воспитатели антропософского интерната!

Сенбернары служат спасателями людей в горах, сами отыскивают их, приносят им пищу, аптечки, тащат раненых и обессиленных к жилью. Если бы мы могли учиться у таких животных быть людьми!

Между тем история эта имела счастливый конец для всех действующих лиц: мать Жени вскоре вышла замуж, родила сына.